

АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД РУССКИХ ИМПЛИЦИТНЫХ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ
(МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Л. Григорьева

Существует весьма распространённое мнение, что человек, в достаточной степени владеющий каким-либо иностранным языком, автоматически является и хорошим переводчиком. Всё возрастающие потребности современного общества в переводчиках, специалистах в той или иной области, вынуждают привлекать к переводческой деятельности лиц, которые не обучались переводу как специальности и не владеют в полной мере как основами теории перевода и лингвистики, так и навыками переводческих трансформаций, что приводит порой к серьёзным погрешностям в переводе, вплоть до курьёзов.

К разрешению данной проблемы уже давно ищут подходы как специалисты в области преподавания иностранных языков, так и специалисты в области обучения переводу как особому виду речевой деятельности. Предлагаются различные пути подготовки к будущей переводческой деятельности так называемых непрофессиональных переводчиков:

- спецкурс перевода для студентов-нефилологов;
- обучение переводу как второй специальности (сюда входят и филологи);
- вводный, продвинутый и завершающий курсы по переводу для выпускников университетов и других учебных заведений.

Все предлагаемые курсы основной целью определяют формирование переводческой компетенции, подразумевающей умение переводчика обеспечить реализацию акта межъязыковой коммуникации путём замены текста на исходном языке адекватным (эквивалентным) текстом на языке перевода, и включают в себя лекции и практические занятия по теоретическим основам переводческой деятельности, по лингвистическим особенностям определённых стилей языка в сопоставительном плане, освещают способы и приёмы перевода и даже протокол поведения переводчика (Нечаева 1986: 123; Franklin 1991: 2).

Программы спецкурсов по переводу для подготовки обучаемых к будущей переводческой деятельности отражают комплексные методические задачи и строятся на различных концептуальных основах, однако, следует отметить, что несмотря на существующие споры вокруг самого понятия перевода и связанных с ним понятий адекватности, эквивалентности, переводимости, всё больших сторонников приобретает концепция, следуя которой, авторы рассматривают проблематику переводческой эквивалентности с коммуникативных и прагматических позиций и признают одним из главнейших требований, предъявляемых к переводу, – требование коммуникативно-прагматической эквивалентности, которое предусматривает передачу коммуникативного эффекта исходного текста и обязательный учёт параметров участников межъязыковой коммуникации (Мархвинский 1990: 49).

Принимая за основу требование коммуникативно-прагматической эквивалентности, в процесс обучения переводу наряду с формированием умений осуществлять лексические и грамматические трансформации необходимо также включить и формирование умений в прагматическом переводе и сообщении хотя бы начальных сведений о средствах выражения субъективной модальности, без которых невозможно достижение адекватного прагматического эффекта переводимого текста.

Известно, что к сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций участников коммуникации, знание которых особенно важно будущим синхронистам, потребность в которых сейчас особенно велика.

Устный последовательный или синхронный перевод представляет особую сложность, и даже профессиональные синхронисты допускают расхождения между исходным текстом и текстом перевода, и как показал сопоставительный анализ записей текстов синхронного перевода, осуществляемого профессиональными переводчиками, наибольшие расхождения между двумя текстами встречаются при передаче средств выражения субъективной модальности (Зайцева 1994: 178).

Довольно часто эти погрешности в переводе порождаются тем фактом, что смысл высказывания не всегда эксплицируется в соответствующих, известных переводчику, языковых категориях и не имеет специального категориального признака (маркера), а может создаваться подтекстом или экспрессивно-эмотивной коннотацией текста. Установка же на передачу основной прагматической функции требует от переводчика соизмерения исходного и конечного текстов и учёта того, что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода отличаются по степени отражения субъективной модальности (Швейцер 1988: 147).

Как уже было сказано выше, субъективная модальность достаточно широка по своему семантическому объёму, и её смысловую основу образует понятие оценки в самом широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции, в том числе и отрицательной.

Для выражения субъективно-модальных значений в русском языке используются различные средства, многие из которых встречаются и при выражении отрицательной речевой реакции. Это могут быть специальные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы, соединения словоформ, повторы); построения с модальными частицами и их аналогами; междометия, а также порядок слов, интонация и др.

Как показывает практика, одним из трудных случаев передачи средств выражения субъективной модальности в русском языке и является такое сложное явление как имплицитные средства выражения отрицания, хотя, как считают исследователи, им отводится основная роль в передаче модальных отношений со значением или оттенками отрицания (Немец 1989: 51).

Отрицание во всех языках, в том числе и славянских, проявляется на различных языковых уровнях. Известные в грамматике эксплицитные средства выражения отрицания (отрицательные частицы, местоимения, наречия и т.д.) являются достаточно устойчивыми по своим оттенкам значений модальными средствами выражения отношения отрицания и требуют от переводчика учёта фактора полинегативности или множественного отрицания и моно-

негативности. Так, для многих языков, в частности восточно-славянских, характерно множественное отрицание; при сказуемом иногда даже требуется „избыточное” отрицание. Например, русское предложение: „Никто никогда его не видел” по нормам английской грамматики может быть только монологичным: “Nobody ever saw him” (буквально: Никто когда-либо его видел) (*ЛЭС* 1990: 355).

Учебные пособия по переводу обращают внимание обучаемых на один из приёмов переводческой трансформации – антонимический перевод, который также имеет отношение к отрицанию, хотя антонимия здесь чисто условная и возникает за счёт различных утвердившихся в языке/языках способов выражения того или иного действия. Например, если сравнить русские и английские предложения: „Не кладите трубку!” – “Hang on, please!” и „По газонам не ходить!” – “Keep off the grass!”, то можно говорить о комплексной трансформации, включающей замену утвердительной конструкции отрицательной. Необходимость в антонимическом переводе чаще всего возникает при переводе фразеологизмов и синтаксических штампов, приведённых выше, и требует от переводчика знания соответствующих эквивалентов и твёрдого навыка их безошибочной адекватной замены.

Практические вопросы обучения переводу делают необходимым и обсуждение особенностей окказионального, обусловленного специфическим контекстом, использования средств выражения отрицания, особенно часто встречающегося в диалогической речи, в полемической ораторской речи и публицистике. Это относится, в первую очередь, к так называемым интонационно-отрицательным конструкциям, в которых модальная сущность может быть обусловлена констатирующе, а отрицательная семантика может передаваться только интонационными средствами, иногда в сочетании с инверсией. Это – утвердительные по своему лексическому составу предложения, но произнесённые со специфической интонацией, и при их переводе часто требуется использование лексически выраженного отрицания. Например, ответная реплика на вопрос: „Это вы сделали?” или на утверждение: „Это вы сделали!”, произнесённая с особой интонацией: „Да, конечно!”, может означать два

противоположных по смыслу ответа: „Да, я.” или „Нет, конечно!” (с оттенком возмущения даже).

В русском языке исследователи выделяют определённые регулярные синтаксические схемы без лексических элементов отрицания, которые, вследствие интонационного своеобразия, по смыслу являются отрицательными, более того, выражают решительное отрицание. Например:

СТАТЬ+инфинитив

„Стану/стала бы я выезжать по такой погоде!”

ОЧЕНЬ НУЖНО+инфинитив

„Очень нужно это делать!”

ЕСТЬ+кто/что в косвенных падежах+инфинитив

„Есть о чём/о ком сокрушаться!”.

Чтобы утвердительное по форме предложение стало носителем отрицательного значения, необходимо произнести его с особой, специфической интонацией, а переводчику необходимо дифференцировать эту интонацию и дать перевод в соответствии с нормами языка перевода, используя при этом, если требуется, лексически выраженное отрицание.

В ряд перечисленных выше средств входит также и риторический вопрос, так как, отрицательный по форме, он является утвердительным по смыслу и наоборот (Озерова 1978: 84).

Итак, зная, что отрицательная речевая реакция в русском языке, особенно в устном общении, может выражаться различными способами, желательно акцентировать внимание будущих переводчиков на тех лингвистических особенностях целого ряда средств выражения отрицания, усвоение которых целесообразно с точки зрения достижения эквивалентности перевода на прагматическом уровне. Перечень лингвистических средств выражения отрицания, модальная сущность которых может быть обусловлена только констатирующе, представлен в разного рода справочниках и пособиях и может быть дополнен каждым переводчиком индивидуально, а переводческие упражнения должны включать специальное изучение и отработку навыков подбора „недословных”, а смысловых эквивалентов выражения отрицания, несогласия, сомнения, недоумения, возмущения и т.п., то есть всё то, что входит в отрицательную речевую реакцию и не всегда эксплицируется обычными, зафиксированными в грамматике, средствами.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева, В.
1994 *Передача модальных значений при синхронном переводе в комбинации языков русский-болгарский*, в: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов, Регенсбург 1994: 178.
- ЛЭС
1990 *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, М. 1990; *Русская грамматика*, М. 1990.
- Мархвинский, А.
1990 *Перевод в обучении иностранным языкам и обучение переводу*, „Русский язык за рубежом”, 1990: V: 48-50.
- Немец, Г.П.
1989 *Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке*, Ростов на Дону 1989.
- Нечаева, В.М.
1986 *Методический аспект обучения переводу как второй специальности*, в: *Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков*, М. 1986: 123-133.
- Озерова, Н.Г.
1978 *Средства выражения отрицания в русском и украинском языках*, К. 1978.
- Швейцер, А.Д.
1988 *Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты*, Наука, М. 1988.

Franklin, P. Klein, Braley, C.
1991 *Can translation be taught?*, "The Linguist", 1991:
I(30): 2-4.

ABSTRACT

Errors in translation are sometimes due to the translator's incompetence in some aspects of linguistics. The purpose of this article is to emphasise the importance of developing such competence by teaching translation as a skill in producing an equivalent pragmatic effect in translation of Russian implicit means of expression of negation and to demonstrate some particularities of modality in Russian negation.

Slavica tergestina 5 (1997)